

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

из которой читатель узнает, как смышленная обезьяна решила подшутить над Чжу Ба-цзе и как владыка дьяволов умудрился похитить праведного монаха

Итак, наступил час утреннего приема правителя государства. Гражданские и военные чины, неся грамоты в руках, целой толпой явились на прием и обратились к своему властелину с такими словами:

— О повелитель наш! Умоляем простить преступление, совершенное против правил приличия.

— Я не вижу, в чем ваше преступление, — возразил государь, — у всех у вас вполне благопристойный вид.

— О владыка наш, — воскликнули хором сановники, — не знаем как, но в эту ночь мы все лишились волос!

Держа в руках грамоты об исчезновении волос, государь сошел с трона.

— Я и сам не знаю, что случилось, — сказал он дрогнувшим голосом, обращаясь ко всем присутствующим. — За эту ночь все обитатели дворца, большие и малые, тоже оказались без волос!

Тут слезы хлынули из глаз правителя. За ним навзрыд заплакали сановники. После этого государь и все его чины, не переставая рыдать, дали торжественную клятву:

— Отныне мы никогда больше не будем убивать монахов!

Правитель вернулся на трон, а сановники расположились как положено — по рангам и чинам.

— Кто хочет доложить о каких-либо делах или происшествиях, пусть подойдет, — приказал правитель, — остальные могут удалиться.

Из группы военных чинов сразу же протиснулся вперед главный начальник дозоров и караулов, а из рядов гражданских чинно вышел начальник пешей и конной охраны восточной заставы города. Подойдя к ступенькам трона, оба они совершили земной поклон.

— Мы удостоены твоего милостивого повеления охраняв столицу, — так начали они свой доклад. — Ночью мы захватили у разбойников большой ларь и белого коня. Просим дать указание, как нам поступить с захваченным, ибо не осмеливаемся действовать самовольно.

Правитель государства очень обрадовался.

— Доставьте сюда коня вместе с ларем!

Оба сановника поспешно покинули дворец, прибыли в управление, отобрали рослых воинов и стражников и велели им нести ларь во дворец.

У Танского монаха душа в пятки ушла.

— Братья! — едва выговорил он. — Что мы скажем государю?

— Не кричи, учитель, — остановил его Сунь У-кун, посмеиваясь про себя. — Я уже все обдумал. Вот увидишь, как только откроют ларь, государь станет величать нас духовными наставниками и поклонится нам. Надо только, чтобы Чжу Ба-цзе не вступал с ним в пререкания.

— Да неужто я посмею перечить государю? — возразил Чжу Ба-цзе. — Одно лишь то, что нас не зарежут, уже будет безмерным счастьем для меня!

Едва он успел проговорить последние слова, как ларь был доставлен к тронному залу. Его внесли в зал Пяти фениксов и поместили перед красным крыльцом возле трона.

Затем оба сановника пригласили государя выйти посмотреть. Он приказал немедленно открыть ларь. Как только сняли крышку, Чжу Ба-цзе не вытерпел и выпрыгнул наружу. У многих сановников от страха затряслись печенки и отнялся язык. Затем из ларя показался Сунь У-кун, который помог выйти Танскому монаху, и, наконец, появился Ша-сэн с поклажей. Чжу Ба-цзе сразу же заметил, что градоначальник держит белого коня. Он подошел к нему, плюнул с досады и громко заявил:

— Конь этот мой! Отдай его!

Градоначальник до того перепугался, что не удержался на ногах и кубарем полетел наземь. Все четверо путников встали в ряд перед ступеньками трона. Правитель государства, убедившись в том, что все они монахи, поспешно сошел вниз, вызвал всех цариц и придворных прислужниц из трех дворцов в тронный зал Золотых колокольчиков и там, вместе с сановниками и военными чинами, совершил поклонение перед четырьмя монахами.

— Откуда изволил прибыть, уважаемый наставник? — спросил правитель.

— Я из восточных земель великого Танского государства послан на Запад, в храм Раскатов грома, что находится в стране Зарослей небесного бамбука, чтобы поклониться Будде и испросить у него священные книги, — отвечал Танский монах.

— Уважаемый наставник, ты прибыл издалека, объясни же нам, почему ты устроился на отдых в этом ларе?

— Мы, бедные монахи, узнали, что ты, государь, дал обет убивать монахов, а потому не осмелились открыто показаться в твоём государстве. Мы переоделись мирянами, и, когда наступила ночь, попросились на ночлег в постоялый двор. Однако, опасаясь, что люди опознают нас, мы устроились на ночевку в этом ларе. На нашу беду, ларь украли разбойники, но градоначальник отнял его у разбойников и доставил сюда. И вот теперь нам довелось лицезреть твой царственный лик, который нам так же дорог, как солнце, проглянувшее сквозь тучи. Умоляем тебя, государь, помиловать и отпустить нас! Да уподобится благодеяние твое глубине морской!

— Не знали мы, что ты, достопочтенный наставник, из великой Небесной империи! — воскликнул изумленный правитель. — Прости, что не оказали тебе достойного приема. В течение долгого времени у меня действительно было желание уничтожить всех монахов до единого, за то что когда-то они зло оклеветали меня. Чтобы отомстить им, я дал обет небу истребить десять тысяч монахов. Не ожидал я, однако, что ныне сам окажусь в числе последователей Будды, который повелел всем нам сделаться монахами. Ныне я сам и все мои сановники, а также царицы и их прислужницы лишились волос. Прошу тебя, уважаемый наставник, пролей на нас хоть каплю света учения Будды, не поскупись на свои премудрые наставления. Мы все выражаем желание стать твоими учениками!

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе принялся громко хохотать.

— Любопытно знать, какие же будут сделаны подношения моему наставнику по этому случаю! — проговорил он сквозь смех.

— Если почтенный наставник согласится уважить мою просьбу, — спокойно ответил правитель, — я готов подарить ему все сокровища моего государства!

— Не говори о сокровищах! — вмешался Сунь У-кун. — Мы честные монахи, а не какие-нибудь стяжатели. Ты только дай нам пропуск по нашему проходному свидетельству и проводи нас из города. За это мы обещаем тебе незыблемое царствование, счастье и долгоденствие.

От этих слов правитель государства пришел в восторг и приказал устроить в храме Прославления сановников торжественный пир. Правитель и его сановники в полном согласии приняли единое учение Будды. Тотчас было подписано дорожное свидетельство, после чего правитель спросил Танского монаха, как бы он посоветовал переименовать государство.

Тут снова вмешался Сунь У-кун.

— Государь, — молвил он, — в название твоего государства входят слова «учение Будды». Пусть они останутся и в новом названии твоего государства, а слово «искоренение» не подходит. Как только мы пройдем через твою страну, его можно будет заменить словом «почитание». Пусть за это в твоей стране моря станут спокойными и реки чистыми, да преуспевают тысячи поколений твоих потомков, да будут ветры и дожди во благовремени и да воцарится спокойствие во всем твоём государстве!

Правитель сердечно поблагодарил за милосердные пожелания и велел приготовить для путников парадный выезд. Затем он сам отправился провожать Танского монаха и его спутников.

С этого времени государь и его сановники вступили на праведный путь и стали творить добрые дела, однако рассказывать об этом мы не будем.

Итак, Танский монах простился с правителем государства, которое теперь стало называться страна Почитания учения Будды, и весело взобрался на своего коня.

— Брат У-кун! Великая заслуга совершена тобой! — радостно воскликнул он. — На этот раз ты отлично все придумал!

— Однако, — сказал Ша-сэн, — во всей этой истории меня удивляет лишь одно, — где ты нашел столько цирюльников, которые за ночь успели обрить такое количество голов?

Тогда Сунь У-кун рассказал про все свое волшебство, которое он применил, и так рассмешил наставника и его учеников, что они долго не могли успокоиться.

Вдруг путники заметили перед собой высокую гору, которая преградила им путь. Танский монах придержал коня и обратился к своим ученикам:

— Братья, — сказал он, — смотрите, какая перед нами величественная гора. Надо быть осторожнее!

— Не беспокойся! — со смехом сказал Сунь У-кун. — Ручаюсь, что с тобой ничего не случится!

— Не говори так, — возразил Танский монах. — Погляди лучше, какие неприступные пики высятся над этой горой и как далеко распространяют они свои зловещие испарения! Грозные облака клубятся над вершинами. Я чувствую, как меня охватывают страх и ужас, все тело мое немеет, дух неспокоен и мысли в смятении!

— Наставник! Ты, верно, забыл сутру о смещении, сочиненную У Чао, благочестивым наставником-созерцателем! — сказал Сунь У-кун.

— Нет, я ее помню! — отвечал Танский монах.

— Может быть, ты и помнишь, но к ней есть еще хвалебное четверостишие, которое ты наверняка забыл, — усмехнулся Сунь У-кун.

— Что же это за четверостишие? — спросил Танский монах.

Сунь У-кун прочел его наизусть:

В краю далеком

Будды не ищи,

Хоть на горе Линшань

Его дворец.

В твоей душе

Спасения ключи:

Линшань отыщешь

В сердце наконец.

Ты пристальней взглядишь

В свою же грудь:

Там пагода,

Подобная Линшань.

Ищи — и ты найдешь

Великий путь.

К добру иди —

И совершенным стань!

— Неужто я не знаю? — сказал Танский монах. — Если придерживаться того, о чем говорится в этом четверостишии, то выходит, что все священные книги сводятся лишь к совершенствованию духа!

— Само собой разумеется, — поддержал Сунь У-кун и добавил:

Ах если сердце чисто,

Как стекло,

Оно во тьме

Лампадой яркой блещет

И в суетном томленье

Не трепещет.

Спокоен дух,
И все кругом светло.
Но стоит ошибиться, —
И тревога,
И косность, и грехи
Тебя подстерегут.
Десятки тысяч лет
Напрасно пробегут,
Не завершишь трудов,
Не кончится дорога.
Ты к Истине иди
Дорогой мудрых дел.
И. если дух
К добру стремиться не устанет,
Блаженным будет
Твой земной удел:
Храм Будды
Всюду пред тобой предстанет!

Для таких пугливых, как ты, — закончил он, глядя с иронией на своего наставника, — никогда не знающих душевного покоя, Великий Путь так же далек, как чертоги Будды в храме Раскатов грома. Перестань же зря сомневаться и следуй за мной!

После этих слов у Танского монаха на душе стало легко и покойно: все заботы и думы разом покинули его.

Путники, не останавливаясь, шли дальше и вскоре оказались на горе. Тут их взорам открылась картина удивительной красоты:

Гора поистине
Прекрасною была:
Вся в пестрой зелени,

Вся в пятнах разноцветных.

Волнистых облаков

Над ней клубилась мгла,

А перед нею тень

Глубокая легла

В ущельях сумрачных,

В прохладе рощ приветных.

Порхают птички там

На ветках, на кустах,

Как капельки дождя,

Как быстрые снежинки.

И сосны вдалеке,

Как тонкие тростинки,

Касаются небес

На каменных хребтах.

Там звери хищные

Среди стволов снуют.

Лисицы рыжие

Дерутся за добычу,

Волчицы старые

Волчат пугливых кличут,

И сотни барсуков

Нашли себе приют.

Мохнатых обезьян

Там слышен визг и вой.

Они грызут плоды,

Орехи жадно ищут,

Куницы бегают,

Гиены всюду рыщут
И возятся бобры,
Скрываясь под водой.
Порою слышится
Незримой птицы крик,
Остерегающей нас
Голосом скрипучим.
Олени прыгают
По изумрудным кручам,
Карабкается лось
На каменистый пик.
Проворных грызунов
В траве мелькает рать,
Мартышек суетня,
Их бешеные игры...
И ревом яростным
Все заглушают тигры,
Всегда готовые
Других зверей пожрать,
Там вихри горные
В густой листве шумят.
Стволы переплели
Упругие лианы,
И чащи орхидей,
Пионы и тюльпаны
Вдоль пенистых ручьев
Струят свой аромат.
Из-под воды растут

Причудливые скалы.
Вершины черные
Уходят в недра туч.
Но как преодолеть
Отроги диких круч?..
И наших путников
Смутился дух усталый.
Так много бурных рек!
Так непроглядна мгла
В глубинах горных чащ!
И пропастей так много
И неприступных скал!..
Но путников дорога
Изогнутой дугой
Обратно увела.

Наставник и его ученики не на шутку струхнули, но все же продолжали свой путь. Вдруг послышалось завывание ветра. Танский монах насмерть перепугался.

— Буря! — едва вымолвил он.

— Весной дует теплый ветерок, — беззаботно ответил Сунь У-кун, — летом — юго-восточный, осенью — ветер, от которого желтеют листья, а зимою — северный буран; каждому времени года соответствует определенный ветер. Чего же бояться? — насмешливо спросил он.

— Уж очень неожиданно он налетел! — проговорил Танский монах. — И я уверен, что это вовсе не обычный, ниспосланный небом ветер.

— Еще исстари повелось, что ветер поднимается с земли, — сказал Сунь У-кун, — а облака выходят из гор. Где же это видно, чтобы ветер был ниспослан небом?

Не успел он проговорить последние слова, как вдруг поднялся густой туман.

Безбрежный,

Сперва пеленой он надвинулся бледной,

Потом потемнел,

Словно густоокрашенный шелк.

Он землю окутал.

И солнце пропало бесследно,

И звери притихли.

И птичий щебет умолк.

Нагорные рощи исчезли,

Во мраке мелькая.

И черная пыль

Со всех закружилась сторон.

И небо затмилось.

И тьма наступила такая,

Как было при хаосе древнем,

В начале времен.

Вздыхается пыль,

Закрывая лазурь небосвода,

И все собиратели трав

Словно канули в воду...

У Танского монаха сердце затрепетало от ужаса.

— У-кун, как же так? Ветер еще не утих и вдруг поднялся такой туман?

— Погодите! — ответил Сунь У-кун. — Прошу вас слезть пока с коня, а двое братьев пусть покараулят вас, я же отправлюсь посмотреть, что ждет нас на этой горе.

До чего же мил наш Великий Мудрец!

Он согнулся дугой и, разогнувшись, разом взлетел высоко в воздух. Приложив к бровям руку козырьком и широко раскрыв свои огненные глаза, он опустил голову и стал разглядывать, что было внизу. Ему удалось разглядеть оборотня, который сидел на краю самого крутого обрыва.

Вот как выглядел этот оборотень:

Он огромного роста,

Оружием весь разукрашен,

И клыки, словно сверла стальные,

Из пасти торчат.

Он, надменный, сидит,

Изрыгая отравленный чад.

Словно клюв у стервятника,

Загнутый нос его страшен.

А глаза, как у тигра, желты и круглы.

И всегда

На зверей, бесенят и людей

Нагоняет он ужас.

Он огонь выдувает,

Над дикою бездной натужась,

И торчит, как седая щетина,

Его борода.

В дикой ярости

Он завладел неприступной скалою,

И железный валец

Он сжимает в железной руке.

Смотрит робко толпа чертенят,

В беспредельной тоске,

Как плюется огнем он,

Как дышит смертельною мглою.

Вглядевшись пристальнее, Сунь У-кун заметил несколько десятков бесенят, которые стояли рядами слева и справа от главного оборотня, в то время как он напускал ветер и туман. Усмехнувшись про себя, Сунь У-кун подумал: «Оказывается, наш наставник тоже обладает

некоторым даром предвидения. Он сразу понял, что это не обычный ветер. Так оно и есть. Вот, значит, кто здесь забавляется. Если я, старый Сунь У-кун, применю прием, который называется «Чеснок растолочь», то есть слечу вниз и начну бить его своим посохом, то, пожалуй, сразу же прикончу его. Однако расправиться с ним таким простым способом, значит запятнать свое доброе имя».

Надо сказать, что Сунь У-кун от природы был храбр и никогда в жизни не строил козней против своих врагов.

«Вернусь-ка я лучше обратно,— подумал он,— и подмаслю Чжу Ба-цзе: пусть сразится с оборотнем. Если Чжу Ба-цзе одержит победу, значит, нам повезло; если же ничего не сможет сделать и оборотень захватит его, то я отправлюсь на выручку и опять прославлюсь. Кстати, Чжу Ба-цзе стал что-то важничать, разленился и не хочет ничего делать; он очень несговорчив и к тому же обжора. Дай-ка я его надую, посмотрим, что он скажет!».

Сунь У-кун спустился вниз на облаке и явился перед Танским монахом.

— Ну, что предвещают нам ветер и туман? — спросил тот Сунь У-куна.

— Да уже прояснилось, и все утихло, — ответил Сунь У-кун.

— Ты прав, — согласился Танский монах, — стало значительно светлее и тише.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Наставник! — сказал он. — Обычно я всегда все вижу, а на этот раз ошибся. Я утверждал, что в ветрах и туманах часто бывают злые духи-оборотни, но оказывается, что это не так.

— Почему ты так говоришь? — заинтересовался Танский монах.

— А вот почему. Неподалеку отсюда расположено селение, в котором живут добрые люди. Они варят рис и готовят пампушки из белой муки специально для монахов. Этот туман исходит от парилок, в которых готовят еду на пару.

Чжу Ба-цзе, слышавший эти слова, принял их за правду, привлек к себе Сунь У-куна и тихонько спросил:

— Брат, а ты хоть успел поесть?

— Успел, но немного, — отвечал Сунь У-кун, — овощи пересолили, и мне они не понравились!

— Тьфу! — плюнул с досады Чжу Ба-цзе. — А я наелся бы досыта, не посмотрел бы, что солоно! А стало бы неумоготу от жажды, вернулся бы и попил воды.

— А ты разве хочешь есть? — вкрадчиво спросил Сунь У-кун.

— Еще бы! — ответил Чжу Ба-цзе. — Я порядком проголодался. Что, если я первым отправлюсь туда и поем немного?

— И не говори об этом, брат! — сказал Сунь У-кун. — Знаешь, что сказано в древних книгах: «Пока отец жив, сын не должен самовольничать». Кто же из нас осмелится опередить наставника?

— Если ты будешь молчать, — сказал Чжу Ба-цзе, — то я сейчас же отправлюсь.

— Я ничего не скажу, но посмотрим, как тебе это удастся, — задорно ответил Сунь У-кун.

Однако, когда разговор заходил о еде, Чжу Ба-цзе становился смекалистым. Подойдя к наставнику, он поклонился ему и сказал:

— Наставник, старший брат сказал мне, что жители селения, находящегося неподалеку отсюда, готовят еду для монахов. Но как быть с нашим конем? Не доставим ли мы лишние хлопоты этим добрым людям? Понадобится и сено и зерно! К счастью, ветер утих и туман рассеялся. Вы посидите здесь, а я тем временем принесу сочной травы, мы сперва покормим коня, а уж потом пойдем к добрым людям просить пропитание...

Танский монах очень обрадовался.

— Чудесно! — сказал он. — Что это ты вдруг стал таким заботливым и предупредительным? Ступай и живо возвращайся!

Посмеиваясь про себя, Дурень собрался в путь, но Сунь У-кун задержал его.

— Брат! Там кормят только благообразных монахов, а уродливым ничего не дают, — сказал он.

— В таком случае я сейчас преобразусь, — ответил Чжу Ба-цзе.

— Вот это верно! — одобрил Сунь У-кун. — Так и сделай.

А наш Чжу Ба-цзе, как вам уже известно, владел секретом тридцати шести превращений. Войдя в горное ущелье, он прищелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и превратился в низкорослого тощего монаха. Держа в руках деревянную колотушку в форме

рыбы, он стал стучать в нее, напевая в такт гнусавым голосом одно и то же: «О великий бодисатва!» — так как не знал наизусть ни одной сутры.

Тем временем чудовище вобрало в себя ветер и туман, приказало всем бесенятам расположиться кольцевым строем у большой дороги, притаиться и ждать путников. На свою беду Дурень вскоре оказался в этом кольце. Бесенята кинулись на него, окружили и давай хватать, кто за одежду, кто за пояс. Все столпились и сгрудились вокруг него и разом принялись действовать.

— Да перестаньте же вы хватать меня,— кричал Чжу Ба-цзе, не поняв, в чем дело, — не тащите! Я побываю у всех вас, зайду поесть в каждый дом.

— Что же это ты собираешься есть? — загалдели бесенята.

— Да ведь у вас здесь кормят монахов, вот я и пришел, — недоумевающе произнес Чжу Ба-цзе.

— Ах, вот в чем дело! — вскричали бесенята. — Ты решил, что тут кормят монахов! Тебе, видимо, неизвестно, что у нас как раз наоборот: едят монахов. Мы все — здешние горные духи-оборотни, охотимся только за вами, монахами, хватаем вас и тащим к себе, сажаем в клеть-парилку, варим на пару и поедаем. А ты вздумал у нас пожить!

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе струхнул. «Экая обезьяна! — с досадой подумал он. — Опять провела меня! Наговорил, что здесь, мол, гостеприимные селения, где кормят монахов. Какое же это селение? И где тут трапеза? Оказывается, я попал к оборотням!». Раздраженный бесцеремонным обращением бесенят, Дурень сразу же принял свой первоначальный облик, вытащил из-за пояса грабли и начал колотить ими куда попало. Бесенята отпрянули от него и что было духу помчались к своему главарю.

— О великий князь! Беда пришла! — сообщили они.

— Какая еще беда? — удивился главный оборотень.

— На гору явился монах, аккуратненький такой, — начали рассказывать бесенята, — мы стали говорить, что схватим его, потащим домой, сварим на пару и целиком съедим, а если не целиком, то оставим на другой день, благо погода пасмурная, но этот монах, оказалось, умеет превращаться, чего мы никак не предполагали.

— В кого же он превратился? — спросил старый оборотень.

— В чудовище с длинным рылом и огромными ушами, а на хребте щетина! — затараторили бесенята. — Ничуть непохож на человека. Он схватил грабли и, вращая их колесом в воздухе, стал бить ими куда попало, бессовестный! Так напугал нас, что мы прибежали к тебе, великий князь, доложить об этом.

— Не бойтесь! — успокоил их оборотень. — Сейчас я сам выйду, погляжу на него!

Размахивая железным вальком, оборотень вышел к Чжу Ба-цзе и, приблизившись к нему, стал его разглядывать. Тот в самом деле был ужасно безобразен. Вот послушайте:

Нос тупой, в аршин длиною.

Рыло — словно пест огромный.

Как серебряные гвозди,

Два больших клыка торчат.

Уши хлопают, как крылья,

Подымая ветер темный,

Круглые глаза, моргая,

Желтым пламенем горят.

Он порос густой щетиной,

На железный лес похожей.

На затылке — стрел колючих

Вырос частокол большой.

Под своей мохнатой шерстью

Он покрыт шершавой кожей,

Он покрыт седой коростой

И коричневой паршой.

Над косматой головою

Вертит он двумя руками.

Смертоносное оружие —

Грабли с девятью зубцами.

Набравшись храбрости, оборотень дерзко окликнул Чжу Ба-цзе:

— Ты откуда явился и как называешься? Живо отвечай, если хочешь, чтобы я пощадил твою жизнь!

— Сынок мой, как же это ты не узнал меня, своего прародителя Чжу Ба-цзе! — ядовито проговорил он. — Ну-ка, подойди поближе да послушай, что я тебе скажу!

До ушей мой рот огромный,
И клыки мои стальные.
Дивной мощью наделен я.
Я в щетине до колен.
Юй-хуан — Владыка неба, —
Дал мне титул воеводы
И правителем назначил
Мира вод — звезды Тянь-пэн.
Под моим началом было
Ровно восемьдесят тысяч
Воинов Реки Небесной,
Каждый был могуч и смел.
Я в небесных жил чертогах;
То-то было мне раздолье:
Что ни день, то пир горою!
Вволю пил я, вволю ел.
Но однажды вдруг напился,
Опьянел, развеселился
И с придворного красоткой
Развлекался и шутил.
Стал я удалью хвалиться,
На «Ковше» и на «Быке» я
Два дворца, сиявших в небе,
В груды камня обратил!
Блюдо полное сожрал я
С чудотворными грибами

У властительницы Неба,
У царицы Сиванму.
Юй-хуан мне в наказание
Всыпал тысячу ударов.
И швырнул меня на землю,
Вниз, к несчастью моему!
Строго-настрого велел он,
Чтобы в этом низшем мире
Я душе моей заблудшей
Всю заботу уделил.
Я ж, когда сюда спустился,
В полузверя превратился
И, конечно, Юй-хуана
Наставления забыл.
И задумал я жениться.
Захотел я взять невесту
Из далекого селенья,
Но печален мой удел:
Сунь У-кун со мной столкнулся,
Посохом он замахнулся
С золотыми ободками, —
И меня он одолел.
А теперь я преклонился
Пред паломником шраманом.
Я теперь коня седлаю.
Я ношу тяжелый груз.
Все долги прошедших жизней
Нынче должен искупить я:

За возврат в обитель неба

Я в смирении борюсь.

Чжу Тянь-пэн я прежде звался —

«Воин на ногах железных».

Чжу Ба-цзе, монах-служитель

В пострижение я зовусь.

— Значит, ты состоишь в учениках у Танского монаха, — заорал оборотень, выслушав Чжу Ба-цзе. — Я слышал, что у твоего наставника очень вкусное мясо, и давно собирался схватить его с тобою вместе, но ты сам явился! Неужто я пощажу тебя? Стой! Ни с места. Видишь, какой у меня валеk!

— Скотина ты этакая! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Не иначе, как ты из рода Красильных дел мастеров.

— С чего это ты взял? — не понял насмешки оборотень.

— Ну как же, — дерзко ответил Чжу Ба-цзе, — иначе ты бы не держал в руках валеk.

От подобной дерзости оборотень пришел в ярость, приблизился почти вплотную к Чжу Ба-цзе и стал колотить его куда попало.

И вот в горном ущелье разыгрался жестокий бой:

Девять зубьев грозных граблей

Бьют врага, вздымая вихри,

И от бешеных ударов

Искры сыплются дождем.

Но в ответ, не зная страха,

Оборотень бьет монаха,

Проломить герою череп

Норовит своим вальком.

Первый — проклятый навеки,

Алчный дьявол — в злобе хочет

Съестъ наставника святого,
Заманить в капкан врага, —
А другой боец могучий,
Прежде вождь звезды небесной,
Ныне — Танского монаха
Друг надежный и слуга.
Тот, чье сердце верой дышит.
Светлый по своей природе
Праведник, тому не страшны
Сотни оборотней-мар.
Пусть вершину скрыли тучи, —
Пять стихий таятся в недрах,
И сырой землей не станет
Твердого металла жар.
Огненным вальком удары
Дьявол ловко отбивает,
Как рожденный в черной топи
Разъярившийся удав.
Как дракон, рожденный в море,
Чжу Ба-цзе, герой, наотмашь
Граблями врага колотит,
Силу всю свою собрав.
Гром ударов, брань и крики!
Все дрожит в подземном царстве.
На земле бушуют реки,
Горы рушатся кругом.
Два лихих бойца дерутся,
Не на жизнь, а на смерть бьются,

Одолеть хотят друг друга

Силой или волшебством!

Чжу Ба-цзе так вошел в раж, что не заметил даже, как оборотень велел бесенятам окружить его со всех сторон. Но об этом мы пока рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, который, стоя за спиной Танского монаха, ехидно рассмеялся.

— Ты что смеешься? — спросил его Ша-сэн.

— Ну и дурень этот Чжу Ба-цзе! — ответил Сунь У-кун. — Решил, что там действительно кормят монахов, и попался на мою удочку. До сих пор все не возвращается. Если бы ему удалось отогнать оборотня одним ударом своих грабель, можешь представить себе, каким героем он бы вернулся и какой поднял бы шум. Если же он не одолел оборотня и тот утащил его к себе, тогда все свои беды он свалит на меня, и уж не знаю, сколько проклятий пошлет на мою голову и обзовет «конской заразой»! Вот что, У-цзин! Ты пока помалкивай, а я отправлюсь посмотреть, что с ним случилось.

Ну и Великий Мудрец! Он тоже, как и Чжу Ба-цзе, тайком от наставника выдернул волосок из затылка, дунул на него своим чудесным дыханьем, воскликнул: «Изменись!». И волосок тотчас превратился в его точную копию. Двойник вместе с Ша-сэном остался ухаживать за Танским монахом. А из самого Сунь У-куна вылетел призрачный дух, который одним прыжком очутился высоко в воздухе и оттуда увидел, что Чжу Ба-цзе окружен бесами, отбивается от них граблями и теряет последние силы.

Сунь У-кун не удержался, приспустил свое облачко и крикнул.

— Ба-цзе! Держись! Старый Сунь явился!

Узнав голос Сунь У-куна, Дурень почувствовал прилив сил, напустил на себя грозный вид и ринулся вперед, колотя граблями куда попало.

Оборотень не устоял. «Что произошло с этим монахом? — подумал он. — С чего это он вдруг так разъярился?».

— Сынок мой! — крикнул Чжу Ба-цзе. — Сюда идут! Теперь я ничего не боюсь!

Он бросился вперед и нанес еще один сокрушительный удар. Оборотень не смог отбиться. Потерпев поражение, он кинулся бежать со всеми своими бесенятами. Сунь У-кун видел, как оборотень скрылся, но не приблизился к Чжу Ба-цзе. Повернув облачко, он вернулся на прежнее место, встряхнулся, и выдернутый волосок вновь прирос к его затылку. Танский монах своими плотскими очами, разумеется, не мог распознать, что рядом с ним двойник, а не настоящий Сунь У-кун.

Прошло еще немного времени, и Чжу Ба-цзе, торжествуя победу, вернулся обратно, изнемогая от усталости, с пеной у рта, едва переводя дыхание.

— Наставник! — вскричал он, подходя к Танскому монаху,

— Что с тобой? — встревожился тот. — Ты ведь отправился за травой, чтоб накормить коня! Отчего же ты вернулся в таком истерзанном виде? Может быть, на горе луга охраняются и тебе не позволили рвать траву?

— Меня подвел старший братец, Сунь У-кун! — проговорил Чжу Ба-цзе, колотя себя в грудь и топая ногами. — Сперва он начал говорить о том, будто в ветре и тумане неповинны злые духи-оборотни, что нет никаких зловещих предзнаменований; затем он сказал, что где-то впереди есть селение, жители которого очень радушные, они варят рис и готовят пампушки из белой муки, чтобы кормить монахов. Я поверил его рассказам и вздумал первым пойти туда и выпросить себе что-нибудь поесть, так как очень проголодался, а сам сказал, будто иду за травой. Разве знал я, что меня окружит целая шайка бесов и бесенят?! Мне пришлось вступить с ними в жестокий бой, и если бы не старший брат Сунь У-кун, который вовремя явился на подмогу, я бы, пожалуй, никогда не вернулся.

При этих словах Сунь У-кун, стоявший сбоку, рассмеялся:

— Что за чепуху ты несешь, Дурень! — сказал он. — Сам же набедокурил, а впутываешь других, чтобы выйти сухим из воды! Да я все время был здесь, стерег нашего наставника. Разве отлучался я хоть на один миг?

— Совершенно верно! — подтвердил Танский монах. — У-кун все время не покидал меня.

Чжу Ба-цзе даже подпрыгнул от ярости и заорал:

— Ничего ты не знаешь, наставник! У него есть двойники!

— У-кун! — строго произнес Танский монах. — Скажи правду, есть там оборотни?

Сунь У-кун не мог солгать. Он низко поклонился и сказал:

— Да, там действительно есть шайка бесенят, но они не посмеют тронуть нас.

Затем он подозвал к себе Чжу Ба-цзе:

— Подойди сюда, Ба-цзе! Позаботься, раз уж вызвался заботиться. Нам поручено охранять нашего наставника, и, когда придется преодолевать высокие горы, мы должны вести себя как во время военного похода.

— А как нужно вести себя в военном походе? — спросил Чжу Ба-цзе.

— А вот как: ты будь предводителем головного отряда и прокладывай дорогу. Если оборотни не появятся, значит, все в порядке. В случае же их появления ты должен вступить с ними в бой и если побьешь их, то это зачтется тебе как подвиг.

Чжу Ба-цзе поразмыслил и пришел к заключению, что оборотень, с которым он сражался, равен ему по силе.

— Ну что ж! Я пойду первым! — решительно произнес он. — Я готов даже отдать свою жизнь, если понадобится!

— Ишь ты, как разошелся! — засмеялся Сунь У-кун. — А ведь до этого все плакался на свою горемычную долю!

— Ты же знаешь, братец, пословицу: «На пиру сын из знатной семьи либо напивается допьяна, либо наедается до отвала, а храбрец в бою либо гибнет, либо выходит весь в ранах», — сказал Чжу Ба-цзе. — Ты всегда так: сначала сболтнешь лишнее, а уж потом берешься за ум.

Сунь У-кун очень обрадовался такой перемене в Чжу Ба-цзе, поспешно оседлал коня и предложил наставнику сесть верхом. Ша-сэн взял поклажу, и они отправились дальше, вслед за Чжу Ба-цзе. О том, как они углубились в горы, рассказывать не стоит. Теперь вернемся к оборотню, потерпевшему поражение. Он направился с толпой бесенят прямо в свою пещеру, взобрался на высокую скалу и погрузился в глубокое молчание. В пещере, оказывается, было еще много других бесенят — дворовых слуг. Все они вышли к своему повелителю.

— О великий князь! — воскликнули они. — Ты всегда возвращался радостный и довольный. Что же сегодня рассердило тебя?

— Слуги мои! Всякий раз, как я выходил из пещеры, чтобы обойти дозором гору, и мне попадался кто-нибудь под руку: человек или зверь, все равно, я ловил их и приволакивал домой, чтобы кормить вас, — печально отозвался главный оборотень, — а сегодня мне не повезло: столкнулся я с достойным противником...

— Кто же он, этот достойный противник? — спросили бесенята.

— Монах, ученик Танского наставника из восточных земель, который следует за священными книгами, — отвечал оборотень. — Зовут его Чжу Ба-цзе. Он так хватил меня своими граблями, что я не устоял против него и проиграл битву. Экая досада! Мне уже много раз доводилось слышать о том, что Танский монах — праведный архат, который совершенствовался в течение десяти поколений. Тот, кто отведает хоть кусочек его мяса, сможет обрести бессмертие. Не ожидал я, что он нынче окажется на нашей горе. Хорошо было бы схватить его, сварить и съесть, однако я не думал, что его сопровождают такие ученики!

Едва произнес он последние слова, как из рядов бесенят выскочил вперед какой-то бесенок, раза три громко всхлипнул, а затем столько же раз хихикнул.

— Ты что? — сердито прикрикнул на него старый оборотень: то скулишь, то ржешь, что это значит?

Бесенок опустил на колени.

— Великий князь, ты только что изъявил желание вкусить мясо Танского монаха, но ведь его невозможно съесть!

— Почему ты так говоришь? Все утверждают, что, если съесть хоть кусочек его мяса, можно продлить жизнь и обрести долголетие, равное небу?

— Если бы его можно было съесть, — бойко возразил бесенок, — то он бы не добрался до нашей горы: его бы давно съели другие оборотни. Все дело в том, что его сопровождают трое учеников.

— А ты их знаешь?

— Знаю, — отвечал бесенок, — старший ученик его — Сунь У-кун, младший — Ша-сэн, а этот, Чжу Ба-цзе, — его второй ученик.

— Чем же отличается Ша-сэн от Чжу Ба-цзе? — спросил старый оборотень.

— Да почти ничем, — сказал бесенок.

— Ну, а Сунь У-кун каков в сравнении с ними?

Тут бесенок прикусил язык.

— Боюсь сказать! — промолвил он наконец. — Этот Сунь У-кун — великий чародей, который владеет волшебством многих превращений! Это он пятьсот лет тому назад учинил великое буйство в небесных чертогах и с ним не могли справиться правители духов Двдцати восьми созвездий, начальники Девяти небесных светил, предводители духов Двенадцати главных звезд, пять сановников и четыре советника самого небесного владыки, духи-правители Восточного и Западного Ковшей, два небесных духа крайнего юга и крайнего севера, духи — властители пяти горных вершин и четырех больших рек, а также духи — полководцы всего небесного воинства! Как же ты осмеливаешься думать о том, чтобы полакомиться мясом Танского монаха?!

— Откуда тебе известны такие подробности о Сунь У-куне? — изумился старый оборотень.

— Когда я жил в пещере Верблюда на горе Верблюда вместе с великим князем, правителем той пещеры, он хотел съесть Танского монаха. Тогда Сунь У-кун ворвался к нему в пещеру со своим посохом с золотыми ободками, и от несчастного князя остались одни косточки, пригодные только для игры. Хорошо, что я вовремя улизнул через черный ход, явился сюда, и ты, великий князь, приютил меня. Вот почему я и знаю о Сунь У-куне. Выслушав эти слова, старый оборотень так перепугался, что даже изменился в лице. Не зря говорится: «Даже великий полководец страшится пророчества». Да и как было не испугаться оборотню, когда он услышал все это не от кого-нибудь, а от собственного слуги!

И вот, когда всех обуяли страх и ужас, из рядов бесенят вышел еще один бесенок, который подошел к старому оборотню с такими словами:

— Великий князь! Не досадуй и не бойся! Есть поговорка: «Поспешишь — людей насмешишь». Если хочешь съесть Танского монаха, обожди немного, и я придумаю, как изловить его!

— Как же ты думаешь поступить? — спросил оборотень.

— Я бы предложил действовать по плану, который называется «Разделить цветок сливы по лепесткам».

— Что это значит? — удивленно спросил оборотень.

Бесенок стал объяснять:

— Всех бесов и бесенят, находящихся в этой пещере, надо собрать вместе, из тысячи отобрать сотню, из сотни — десяток, а из десятка — только троих, которые отличались бы исключительной смышленостью и умением превращаться. Пусть они примут твой облик, великий князь, наденут на голову такой же шлем, облачатся в такие же латы и вооружатся таким же вальком, после чего притаятся в трех разных местах. Один из них вступит в битву с Чжу Ба-цзе, другой — с Сунь У-куном, а третий — с Ша-сэном. Таким образом бесенята отвлекут от Танского монаха троих его учеников, а ты, великий князь, тем временем поднимешься в воздух и, свесившись с облака, схватишь самого Танского монаха, причем с такой же легкостью, как «достают вещи из сумы» или «муху из воды».

Слова бесенка пришлись по душе старому оборотню.

— Ты отлично придумал! — воскликнул он, преисполненный чувством восторга. — Прекрасный замысел! Если не удастся поймать Танского монаха, ничего не поделаешь; если же он попадется мне в руки, то я не обойду тебя и обязательно назначу предводителем головного отряда моего войска!

Бесенок земно поклонился и поблагодарил своего повелителя за милостивое обещание, а затем вызвал всех бесов и стал отбирать лучших из них. Ему удалось отобрать троих самых способных и смышленных. Приняв внешний облик старого оборотня, все три беса вооружились железными

вальками и устроили засаду в ожидании Танского монаха. Тут мы их пока и оставим.

Тем временем Танский монах беззаботно следовал за Чжу Ба-цзе по большой дороге, и они прошли уже довольно большое расстояние. Вдруг у дороги раздался резкий звук, и на дорогу выбежал бесенок. Он бросился к Танскому монаху с явным намерением схватить его.

Сунь У-кун сразу же закричал:

— Чжу Ба-цзе! Оборотень! Чего же ты медлишь?

Впопыхах Чжу Ба-цзе не разобрал, какой это был оборотень: настоящий или мнимый. Он выхватил грабли и начал колотить ими. Тогда бесенок пустил в ход железный валеk и стал отбиваться. Наскакивая один на другого, они вступили в бой на склоне горы, а в это время в траве опять что-то зашумело, и на дорогу выскочил другой бесенок с намерением схватить Танского монаха.

— Наставник! — воскликнул Сунь У-кун. — Дело дрянь! Чжу Ба-цзе своими подслеповатыми глазами проглядел оборотней. Придется мне, старому, отогнать его, а то он, того и гляди, схватит тебя!

Поспешно достав свой посох, Сунь У-кун выбежал навстречу бесенку и закричал:

— Ты куда! Ну-ка, познакомься с моим посохом!

Бесенок, ни слова не говоря, схватил железный валеk и пошел на Сунь У-куна. Оба сцепились тут же на лужайке, и когда бой был в разгаре, Сунь У-кун услышал за спиной резкий свист ветра. Вслед за этим на дорогу выскочил еще один бесенок и побежал к Танскому монаху. Ша-сэн заметил его и испуганно воскликнул:

— Наставник! Видно, у Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе в глазах помутилось: оба они проглядели оборотня, который бежит на тебя! Держись крепче на коне, пока я изловлю его!

Не разбираясь что и как, Ша-сэн вытащил свой волшебный посох и преградил дорогу оборотню. Оба они, охваченные яростью, схватились. Крики, брань, бряцание оружия и шум битвы постепенно стали удаляться. Танский монах, сидя верхом на коне, вскоре остался один на дороге, а старый оборотень, находившийся в воздухе, протянул к нему свои руки с цепкими, как когти, пальцами и разом схватил его. Наставник оторвался от коня, его ноги болтались в воздухе. Старый оборотень, словно вихрь, умчался со своей добычей. Несчастный Танский монах! Вот уж поистине:

На праведника вновь

Обрушилась беда:

Его похитил враг —

Вождь дьявольского стана.

И снова

Гибелью грозящая звезда

Взошла над головою

Сюань-цзана.

Прижав вниз край облака, оборотень подтащил Танского монаха к входу в пещеру и крикнул:

— Головной начальник!

На этот зов сразу же отозвался тот самый бесенок, который придумал, как захватить Танского монаха. Он подбежал к своему повелителю и опустился перед ним на колени.

— О, я не смею! Я недостойн! — бормотал он, отбивая поклоны.

— Зачем ты так говоришь! — остановил его оборотень. — Ты же знаешь пословицу: «Слово великого полководца, что пропись черная по белому»! Говорил же я тогда: «Если не удастся поймать Танского монаха, — ничего не поделаешь, если же он попадется мне в руки, то я не обойду тебя и обязательно назначу предводителем головного отряда моего войска». И вот теперь твой замечательный план удался на славу. Неужто я нарушу свое слово? Забирай пока Танского монаха и вели слугам припасти свежей воды, вычистить котел, запастись топливом и развести огонь. Мы его сварим и съедим по кусочку его мяса, чтобы обрести бессмертие.

— Великий князь, пока еще нельзя его есть, — сказал начальник головного отряда.

— Почему нельзя? — удивился оборотень. — Он же в наших руках.

— Великий князь, если ты съешь его, — это неважно. Тебя уважат и Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которых можно уломать и уговорить. Но боюсь, что Сунь У-куна, этого зловредного чародея, нам ничем не умаслить. Если он узнает, что мы с тобой съели его наставника, он даже не станет драться с нами. Он просто-напросто возьмет свой посох с золотыми обручами и проткнет им нашу гору, получится огромная дыра, вся гора развалится и тогда нам некуда будет деться!

— Что же ты предлагаешь, начальник головного отряда? — спросил старый оборотень.

— По-моему, надо спрятать Танского монаха на заднем дворе, привязать его на дереве и не кормить дня два-три. Во-первых, за это время у него прочистятся все внутренности, а во-вторых, мы посмотрим, не явятся ли за ним его ученики. Если они не придут и мы узнаем, что

они ушли совсем, тогда мы снимем его с дерева, спокойно разделаемся с ним и съедем. Не будет ли так лучше?

— Да, ты прав, ты прав! — рассмеялся старый оборотень. — Начальник головного отряда рассуждает вполне резонно!

Прозвучала команда, и Танского монаха уволокли на задний двор, там накинули веревки на дерево и привязали монаха к сучьям. Затем толпа оборотней возвратилась на передний двор и оставалась там в ожидании дальнейших распоряжений.

О читатель! Посмотрели бы вы на страдания Танского монаха! Он был туго стянут веревками и крепко привязан к дереву. Неудержимые слезы струились по его щекам.

— Братья мои! — стenal он. — Где вы, на каких горах лодите злых духов-оборотней? По каким дорогам гонитесь за ними? Злой дьявол поймал меня, и я терплю невыносимые мучения. Встретимся ли мы еще когда-нибудь? Может быть, тяжкими муками умертвят меня?

И вот, когда он убивался и слезы ручьями лились из его глаз, кто-то, привязанный к другому дереву напротив, окликнул его:

— Уважаемый наставник! И ты тоже оказался здесь?

Сдерживая рыдания, Танский монах спросил:

— Ты кто?

— Я — дровосек, — последовал ответ, — третьего дня меня захватил властитель этой горы и привязал здесь. По моим расчетам сегодня он должен съесть меня.

У Танского монаха вновь закапали слезы.

— О дровосек, дорогой, — промолвил он, — ты умрешь один и твоя смерть не причинит никому ни забот, ни беспокойства, а вот мне не умереть с чистой душой.

— Как же так? — удивился дровосек. — Ведь ты, наставник, покинул мир сует, у тебя нет ни отца, ни матери, ни жены, ни детей. Умрешь, и все. Отчего же ты говоришь, что не можешь умереть с чистой душой?

— Видишь ли, я из восточных земель послан на Запад поклониться Будде и испросить у него священные книги, — начал объяснять Танский монах — Я получил повеление самого Танского императора Тай-цзуна отправиться на поклон Будде, взять у него священные книги и упокоить бесприютные души грешников, мятущиеся в Подземном царстве. Если меня лишат жизни,

разве не убьет это надежду, которую возлагает на меня мой государь-повелитель? Разве не причинит моя смерть огорчение подданным моего государя? Ты не знаешь, какое безграничное множество душ, умерших от несправедливой обиды, томится в Преисподней. Моя смерть лишит их надежды на то, что их жалобы будут услышаны и они во веки веков не удостоятся высшего перерождения. Все мое подвижничество, совершенное за это время, пойдет прахом. Как же смогу я принять смерть с чистой душой?

От этих слов дровосек прослезился.

— Наставник! — сквозь слезы молвил он — Твоя смерть будет действительно тяжела. Но моя смерть будет все же горше твоей. Я в раннем детстве лишился отца и жил с матерью-вдовой. У нас нет никакого хозяйства, и мы живем лишь тем, что я рублю дрова. В этом году моей матери исполнилось восемьдесят три года, и я единственный ее кормилец. Кто же позаботится о ней, кто похоронит ее, если меня лишат жизни? О горе! О горе!

Рассказ дровосека так подействовал на Танского монаха, что он заплакал навзрыд

— О бедный! О несчастный! — горько плакал он. — Ты, человек гор, так заботишься о своих родных! А я, бедный монах, последователь учения о призрачности мира, умею только читать молитвы и священные книги! Служить государю и служить родителям — это одно и то же. Ты скорбишь о милости, оказанной тебе родителями, а я — о милости, оказанной мне государем!

Вот уж действительно, получилось так, как сказано в одном стихотворении:

Тоскующий тоскующего встретил,

Рыдающему плачущий ответил.

Мы не будем пока описывать телесных мук Танского монаха.

Обратимся к Сунь У-куну, который одержал победу над бесенком-оборотнем. Бесенок скрылся, а Сунь У-кун стремглав вернулся к большой дороге, но наставника и след простыл, остался только белый конь да узлы с поклажей. В невероятном смятении Сунь У-кун взял поводья, взвалил на спину поклажу и стал подниматься в гору. Взобравшись на одну из вершин, он огляделся.

Безропотного Сюань-цзана,

Увы, опять постигло горе.

Но Сунь У-кун, мудрец великий,

Сразится с оборотнем вскоре!

Из следующей главы вы узнаете, читатель, удалось ли Сунь У-куну разыскать своего

наставника.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288674>